

Прот. Герасим Павский

Притча о пшенице и плевелах (Мф. 13:24–30, 37–43)

Прилежно рассматривая себя и других, мы и в себе самих, и вне себя везде находим подле добра зло, подле любви ненависть, подле высокого парения духа к небу скотскую привязанность к земле. Если бы кто вздумал искать или народа совершенно безпорочного, или города, или малого даже селения, в котором бы жили одни честные люди: то он искал бы напрасно. Эту истину подтверждает также и История Библейская. Подле праведного Авеля живет Каин, подле Иакова Исав, подле избранных учеников Господа нашего Иуда предатель. И что бывает вообще в мире; то бывает и в сердце каждого человека. Иногда обитает в нем любовь и кротость, а иногда злоба и гнев; иногда в жару благоговения он возносится к небу, а иногда пресмыкается по земле, как животное, не знающее ничего высшего. Иногда, укрепленный упованием на Промысл, он находит в себе довольно твердости, чтобы переносить горести жизни, а иногда так упадает и сокрушается, как будто бы не было на небе Бога. И собственный опыт, и история наилучших людей вполне оправдывают изречение праведного Иова: *кто чист будет от скверны? никтоже, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 4).

Откудаж произошло такое смешение добра и зла? Всегда ли так было, будет и должно быть, как бывает ныне? Ужели всеблагий Бог произвел зло? Ужели Бог, который есть любовь, посеял на земле такую страшную ненависть и злобу, и вложил в сердца людей такое лукавство? Не сказано ли о Нем, при начале бытия тварей: *и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело* (Быт 1, 31)? Но сказал ли бы Он теперь тоже самое? Будет ли когданибудь конец этой борьбе добра и зла в мире, в каждом городе, в каждом сердце человека, и чем она кончится? Зло ли восторжествует над добром, или добро над злом? Вот вопросы, которые занимали умы мудрецов всех времен и народов!

Небесный Учитель наш отвечал на сии вопросы весьма легко, понятно и удовлетворительно. В ясной, простой, но глубокомысленной притче о *пшенице и плевелах*, Он указал нам, как произошло добро и зло, как оно растет, и что с ним будет. Здесь мы имеем всемирную историю добра и зла. И это не догадка простого мудреца, не вымысл какогонибудь

мечтателя; а слово из уст Того, который знал тайны неба и земли!

В царстве небесном, которому определил Бог открыться на земле, по слову Иисуса Христа, происходит тоже, что бывает с человеком, посеявшим доброе семя на поле своем. Когда люди спали, пришел враг его, и посеял плевелы между пшеницею, и ушел. Где же это поле? кто этот человек, сеющий доброе семя, и кто враг его, сеющий плевелы между пшеницею? Поле, говорит Спаситель, есть мир, т. е. всякое человеческое сердце, способное к добрым и худым впечатлениям; а сеющий доброе семя есть Сын человеческий. Сыном человеческим Иисус Христос, который есть вместе и Сын Божий, называет Себя, к чести и утешению рода человеческого. Он, во днех плоти своея (Евр. 5, 7), ходя по земле в виде смиренного человека, и не стыдясь быть вместе с мытарями и грешниками, сеял добро в сердце своих братьев. Он же и ныне просвещает нас истинным светом, и вливает в нас истинную жизнь. Всякое доброе учение, наставление, обличение; все, что ведет к святости жизни; все, что очищает, подкрепляет и возвышает человека; – все это происходит от Него! Он есть Слово Отчее, чрез которое Отец все, сказанное Им, сказал; и все, сотворенное Им, сотворил. Всякой, истинно просвещенный, просвещен Им; всякой, воодушевленный любовью к добру, воодушевлен Им; всякой, возрастший до Богоподобного совершенства, возвращен и воспитан Им. Христос был, есть и будет истинный свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоан. 1, 9). Он сделался для нас премудростию от Бога, праведностию и освящением и искуплением (1Кор. 1, 30). Во все продолжение земной жизни, Он постоянно заботился о том, чтобы посеять доброе семя в сердцах учеников Своих. Он неутомимо старался насадить и укоренить в них святую веру и чистую любовь, и чрез то сделать их способными на великий подвиг всемирного просвещения. Напоследок, Он ниспослал им Духа свьше, Который воодушевлял их на все святое и доброе, и подкреплял их Божественною силою в борьбе с злым миром. Впрочем попечение Его не ограничивалось одними учениками: у Него были в виду и другие люди. Иисус готов был насадить все доброе и в разслабленные души Саддукеев, и в ожесточенные сердца Фарисеев. Он хотел бы собрать под сень своей веры всех чад Иерусалима, как птица собирает птенцов своих под крылья свои; но они не восхотели. Он сеял доброе семя сперва Сам; а после поручил ученикам Своим, чтобы они во всем мире сеяли слово Его. Идите, сказал Он им по воскресении Своем, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам (Матф. 28, 19–20).

Но не один известный круг земли слышал спасительное слово Христа, и не чрез двенадцать только проповедников открыл Он человекам волю Божию. И в сердце Авраама Он же положил семя веры, и Он же обещал ему сына, явившись в образе человека с именем Иеговы. Он же одушевил и послал Моисея на подвиг избавления Израильтян; Он же вывел их из Египта, и возделал себе сад в Палестине, плод коего вкушает вся земля. Он же дал на Синае закон, который внушает всем людям любовь и благоговение ко всевышнему Богу, и обязывает их иметь непорочную чистоту нравов. Даже и там, где незнаемо имя Его, Он насаждает все доброе, рассеивает мрак ума, отвращает от пороков сердце, и пробуждает спящую совесть. Как благотворительный богачь, не только оказывает явно щедроты свои многим неимущим, но еще скрытно сыплет благодеяния и на других, не знающих его, дабы они тем сильнее возлюбили его, когда узнают: подобным образом творит и Христос.

Откуда же зло? Ужели также от Христа, который сеет доброе семя? Ужели Он же один производит любовь и ненависть, мир и вражду, помышление о небесном и привязанность к земному? *Христос убо греху ли служитель? да не будет (Гал. 2, 17)!* – Или все это происходит от ограниченности природы нашей? Как? По этому и злоба злобного, и пронырство коварного, и забвение о Боге, и попрание совести, и безчеловечие Ирода, и кровожадность Каиафы, и злонамеренная ложь его споборников, – все это будто происходит от того, что мы люди, а не Боги? Если мы знаем добро, но не делаем его, и поступаем вопреки совести; если один имеет сильную привязанность к такому, а другой к другому пороку: то все это будто есть следствие ограниченности человеческой природы? Возможно ли, чтобы всеблагий Бог сотворил нас с такою злою склонностью? Нет, кому угодно, ищи успокоения в такой философии, а Христос сему не учил и не учит. Он ясно говорит: *враг посеявший плевелы, есть диавол*. Не думай, что под именем диавола здес должно разуметь какогонибудь злого человека, а не особенное существо, враждебное всему доброму и святому, и наипаче Христу и Христианству. Диавол ясно отличается здесь от людей злых: он сеет, а они сут плевелы им сеемые. Как *сыны царствия*, – сие *доброе семя* Христово, не тоже, что Христос, их сеющий; так и злые, – *сыны лукавого*, не тоже, что сам лукавый.

Такое же учение о начале зла предлагают и Апостолы. Они говорят, что *Бог Ангелов согрешивших не пощадил, но связал узами адского мрака для сохранения их на суд (2Петр. 2, 4)*; что *Христос смертью сокрушил имеющего смерть во власти своей, то есть, диавола; и избавил тех, которые, из страха смерти, чрез всю жизнь были подвержены рабству*

(Евр. 2, 14–15); но что, и после сего, диавол все еще имеет влияние на человека, и что борьба с ним продолжается. *Наша брань не с кровию и плотию*, говорит Апостол Павел, *но с начальниками, властями, с мироправителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными*. Ибо доколе царство Христово не откроется во всей полноте славы своей; до тех пор Христос будет сеять одно, а сатана другое!

Таким образом, из уст небесной Премудрости, мы узнаем о сокровенном начале истины и лжи, любви и ненависти, добродетели и порока. Само собою разумеется, что из семени вырастает растение, сообразное с качеством своего семени: из посеянных плевел – плевелы, из посеянной пшеницы – пшеница. И посеянное не долго остается в земле. Христос имеет попечение о своем добром; диавол о своем злом, чтобы оно непременно прозябало и расло. Возрастанию пшеницы и плевел равно способствуют одне и те же причины: удобренная земля, дождь, солнечная теплота и свет. Нечто подобное происходит и между людьми. Те же способности ума и сердца делают одного человека более и более добрым, ежели лежит в нем семя добра; или более и более злым, ежели посеяно в нем семя зла. Хорошо возделанное поле приносит более плевел, ежели на нем посеяны плевелы; обширный и острый ум более причиняет зла, ежели вселилось в него зло.

Когда хлеб взошел и стал колоситься; тогда явились и плевелы. На поле жизни человеческой теперь все еще находится в своем возрастании. В добром растет добро, в злом зло. У кого ум и сердце наклонены к тому, чтобы любить правду, внимать гласу совести, повиноваться заповедям Господа, и помышлять о вечности: тот со дня на день преспеивает в святости, с часа на час быстрее идет по пути добродетели, и делается более и более способным торжествовать над землею, и смертным своим телом. А кто однажды решился на то, чтобы удовлетворять страстям своим: у того страсти со дня на день становятся сильнее, упреки совести малозначительнее, глас Иисусов невнятнее, так что он теряет наконец вкус и слух ко всему небесному. В одном такое возрастание происходит скорее и очевиднее, а в другом медленнее и неприметнее: но однакож, тем не менее растут все. Как в полевых растениях делается иногда застой в росте, но коль скоро окропит их животворный дождь, то оне поднимаются тем с большею силою: так и о людях иногда нельзя сказать решительно, идут ли они вперед в добре или зле, но представься какойнибудь случай, где бы выказалась доброта или порочность их сердца, тогда всякой заметит, что сердце их не оставалось на одной степени нравственного роста. Смотрите, как еще не сильна была вера в Аврааме, когда ему было сказано, что от

девяностолетней Сарры родится у него сын. Он, усмехнувшись, сказал тогда Господу: *о! хотя бы Исмаил остался жив пред Тобою (Быт. 17, 17–18)*. Но в последствии вера сего святого мужа возрасла до того, что он, принося в жертву единственного сына своего Исаака, не сомневался в обетовании Божиим, но твердо верил, что Бог и из мертвых может воскресить его. Смотрите, как вначале слаба была вера Моисея, когда поручал ему Бог вывести народ свой из Египта. Сколько отговорок! Сколько затруднений! *Они мне не поверят! Я не могу свободно говорить! пошли другого, способнейшего (Исх. 4, 1. 10. 15)*! Но после столько возрасла и укрепилась в нем вера, что он, видя пред собою море, а позади себя враждебное воинство Фараоново, не опасался возгласить к народу: *не бойтесь, стойте, и вы увидите спасение Господне! Египтян, которых вы зрите ныне, уже не узрите вечно (Исх. 14, 13)*. Смотрите, какое маловерие, какая земные чувства, какая была сперва робость в учениках Иисусовых. Они спорили о том, кто из них будет больше; не доверяли могуществу Иисуса; а когда Он был взят, как преступник, разбежались от страха. Но потом их вера и любовь столь были велики, что они радовались, удостоившись принять поругание за имя Иисусово (*Деян. 5, 41*), и не страшились положить жизнь за своего Учителя и Господа. Тот же самый Петр, который пред служанкою боялся сказать, что он знает Иисуса, после того пред Верховным советом говорит так: *справедливо ли пред Богом, вас слушать более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали (Деян. 4, 19–20)*.

Как растет в человеке добро, так и зло. Иуда, предатель Господа нашего, без сомнения, не был таков в начале, каким оказался после. Иисус Христос, приняв его в число ближайших учеников Своих, верно видел в нем что нибудь хорошее и благородное. Он и на последней вечери ожидал от него раскаяния, и для того так часто упоминал о гнусном предательстве, не открывая имени предателя. Но корыстолюбие возрасло в Иуде до того, что он за тридцать сребренников согласился предать своего Учителя; его сердце ожестело до того, что ему не понятны были самые кроткия напоминания огорченной любви, и нимало не тронули его эти горестные слова: *целованием ли предаешь Сына человеческого (Лук. 22, 48)*? – Фарисеи и книжники Иудейские не тотчас же устроили в душе своей убийственный замысел против Иисуса. Сперва они чувствовали и признавались, что Он пришел от Бога. Их сердце говорило им: *никто не может творить таких знамений, если не будет с ним Бог (Иоан. 3, 2)*. Сперва они находили в Иисусе много достойного любви и уважения. Но впоследствии их ненависть возрасла до такого злодейства, что они

решались убить Лазаря, чтобы он не был очевидным доказательством могущества Иисусова; подкупали лжесвидетелей, дабы иметь предлог к осуждению Иисуса; ругались над Распятым; и по воскресении Его, давали деньги стражам, дабы закрыть истину покровом гнусной лжи.

При виде того, как на поле мира вместе с пшеницею растут плевелы, ревностным читателям добродетели приходит иногда мысль: почему бы не сделать, чтобы зло истреблено было с лица земли? Так двое из учеников Иисусовых, огорчившись некогда на Самарянское негостеприимное селение, предлагали Иисусу: *хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с небеси, и истребил их, как и Илия сделал (Лук. 9, 54)?* Так и в нашей притче рабы говорят Господину своему: *хочешь ли, мы пойдем выводем плевелы?* Но что́ отвечает Иисус таким ревнителям? *Нет, не делайте этого, чтобы выдергивая плевелы, не выдергать вместе с ними и пшеницы.* О Благодетель человечества! Как дорожишь ты наималейшим ростком добра, и всякою искрою веры и любви! Ты лучше позволяешь расти плевелам среди пшеницы, нежели попускаешь вырвать хоть одну былинку оной. Малое, равно как и великое растение на твоём поле, слабый, равно как и сильный читатель веры и добродетели, оба призрены твоим попечением. Никто так не жалеет, и не бережет своих присных, как небесный Друг наш, и они, под всеильною Его защитою, безопасно могут жить среди злого и развращенного мира. Остерегайтесь же выдергивать плевелы, дабы, по неосмотрительности, не исторгнуть вместе с ними и пшеницы. Кого Он терпит, того должны терпеть и мы; что Он допускает, то должны допускать и мы. Может быть иной, кажущийся нам злым и развратным, не таков во глубине души своей. Может быть этот Савл успеет еще сделаться Павлом! –

Впрочем плевелы не всегда будут расти вместе с пшеницею. Верховный Правитель судеб человеческих запрещает ревнителям добра искоренять от земли злых, не потому, чтобы зло действительно достойно было пощады, а потому, что суд над сердцами и мыслями людей принадлежит Ему одному, и что Он один знает время, когда должно начать жатву, и отделить пшеницу от плевел. *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы, и свяжите их в снопы, для сожжения их; а пшеницу соберите в житницу мою.* Как посеянное на поле, по созрении, сжинают, сжатое молотят, и чистые зерна отделяют от соломы и мякины: тоже будет с человеками при кончине века сего.

Человеку, если только он понимает самого себя, сродно ожидать и страшиться будущности. Порочный, в час пробуждения совести, более

страшится наказания по смерти, нежели какое ожидает его в здешнем мире. Равно и добродетельный более ждет радостей за гробом, нежели сколько доставляет ему земля. При всех земных наслаждениях, он все чувствует недостаток и какое-то стеснение, от которого хотелось бы ему сделаться свободным. В душе его есть сильная жажда блаженства, свободы и совершенства, которая ничем земным не утоляется; и потому он надеется и ожидает, что Бог некогда сделает его и свободным, и совершенным, и вполне блаженным. Но сколь ни всеобщее между людьми ожидание будущих страданий и радостей, без слова Божия мы не знали бы о них ничего определенного. В нем предчувствие человеческого сердца возведено на степень достоверности. В нем тихое внушение совести и слабая догадка разума подтверждены громогласно с высоты неба. Правда, о будущем состоянии по смерти сама Библия говорит нам иносказательно, и представляет оное в образах, снятых с здешней земной жизни: но иначе сему и быть не можно. Человек ничего не поймет нового, если оно не будет сближено с чемнибудь прежним, ему уже известным. Однако нельзя из сего заключать, что изображение будущего состояния нашего преувеличено в Библии, и что, для составления верного о нем понятия, многое должно убавить. Боже мой! если здесь на земле бывают такие радости, которых не может выразить самый красноречивый язык; если здесь на земле бывают такие горести, для изъяснения коих слабо и бедно всякое человеческое слово: то как можно, этим же словом, вполне выразить радости и горести ожидающей нас за гробом, вечной жизни?

Как собираются плевелы и огнем сожигаются: так будет при кончине века сего. Пошлет Сын человеческий Ангелов Своих, и соберут от царства Его все соблазны и творящих беззаконие, и ввергнут их в пещь огненную. Там будет плачь и скрежет зубов. Какое страшное изображение мучений грешника! Внутри холод; а вне жар. Внутри отчаяние и ужас; а отвне – жгущий пламень. Ад внутри, ад и вне! Плачь и скрежет зубов есть выражение неутешной горести и отчаяния. И что же будет их причиною? Там грешники узнают на опыте, и узнают поздно, что сеявший в плоть свою, от плоти пожинает тление (Гал. 6, 8); что страшно впасть в руки Бога живого (Евр, 10, 31), – так страшно, что никакое воображение не может представить себе подобного страха. Тогда они скажут: «я произвольно низринул себя в сию пучину бедствий; я мог бы быть правдивым, и однакож лгал; мог бы быть честным, и однакож обманывал; мог бы жить целомудренно и воздержно, и однакож так не жил. Мне дано хорошее воспитание; я много доброго читал и слышал; я так часто получал благие советы и наставления от родителей, от друзей, от моей совести: и

все это осталось без пользы!»! Нести всю тягость такого чувства, и нести ее вечно; непрестанно питать в себе эту мысль, не видя ни откуда помощи и сострадания; знать, что другие, не высшие по уму и воспитанию, но лучшие по жизни, наслаждаются теперь бесконечным блаженством: о, до какого отчаяния не доведут сии чувства и мысли! Какой плачь и скрежет зубов, слышанный где либо на земле, может сравниться с сими внутренними муками, терзающими сердце! При том честолюбие, гордость, сластолюбие, – эти страсти, которые там не найдут себе никакой пищи; – эта вечная жажда, не получающая ни одной капли воды для своего утоления, не возвысят ли мучений до такой степени, которая живущим на земле и на мысль не приходила?

Тогда праведники возсияют, как солнце, в царствии Отца их. Какое прекрасное и величественное изображение! Как Христос есть свет и солнце духовного мира; так и очищенные Им праведники возсияют в том мире, подобно солнцу. Тогда-то исполнится всякое предчувствие, совершится всякое желание благочестивого их сердца, искавшего правды и блаженства. Может быть, тебе горько на земле, что многие не умеют постигнуть тебя; может быть, тебе хотелось бы, чтоб честность и доброта твоих намерений были открыты пред всеми: в царстве Отца небесного это сбудется! Добрые твои дела и чувствования там будут так видны, как солнце сияющее на небе. Может быть, ты часто сокрушаешься о своих проступках и согрешениях, которые представляются тебе во всей их наготе, и ты воздыхаешь пред Богом: «сотвори мне, Боже, чистое сердце»: эта молитва в царстве Отца твоего небесного вполне исполнится! Там, омытый кровию Спасителя, и проникнутый Его светом, ты будешь предстоять пред Ним чист, как солнце. Может быть, ты иногда скорбишь, что не имеешь довольно средств помогать другим, хотя бы и хотел; может быть, ты иногда воздыхаешь: «ах! еслибы я был богат, то сделал бы счастливым это бедное, но доброе семейство; ах! если бы я был искусный врач, то употребил бы все умение свое на то, чтоб исцелить сего страдальца, измученного болезнями»: этой скорби положен будет конец в царстве Отца небесного! У тебя окажется там столько ума и силы, что ты будешь благодетельствовать, как солнце, освещающее и согревающее землю. Может быть, тяготит тебя смертное тело, препятствуя духу твоему парить к небу, и помышлять о вечном. Оно тяготит не тебя одного; наилучшие из людей всегда жаловались на его тягость: но в царстве Отца небесного и сия жалоба прекратится! Христос *уничженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его (Флп. 3, 21)*, которое еще на Фаворе сияло, как солнце.

Любезный брат! если ты видишь, что *на поле* твоём посеяно доброе семя: то воздай славу Тому, кто *производит* в тебе и хотение и действие, по своему благоволению (Флп. 2, 13). Не препятствуй расти посеянному; не унывай, если посеянное слабо возникает от земли, и медленно спеет. Доброе расположение твоего сердца, как доброе семя, вырастет и принесет плод. Кто в святых мужах посеял добро, Тот посеял его и в тебе; Кто в них возрастил его, Тот готов возрастить его и в тебе! Иногда, во время засухи, нам кажется, будто зерно осталось бесплодно; но лишь только прольется благодатный дождь с неба, оно развернется, пустит от себя росток, и поднимется высоко. Молись и проси себе животворящего Духа Божия, и когда Он придет, и изольет в сердце твое любовь Божию: тогда несомненно возрастешь ты высоко. Бог, в свое время, даст всякой земле дожди ранние и поздние.

Но если ты, друг мой, по небрежности своей, допустил *врагу посеять плевелы между пшеницею*; если нечистые помыслы свободно входят в сердце твое, и ты не страшишься иногда быть невнимательным ко гласу совести: то не думай, что всегда останешься таким, каков теперь. Нет, твое сластолюбие, твое лукавство и твое нечестие со дня на день будут расти выше и выше. Может быть, ты с ужасом и содроганием смотришь тепер на распутство порока, на безсовестность притеснителей и лжецов; и говоришь сам себе: «Боже упаси, чтобы я обольстил невинность, обидел сироту и вдову, и своею ложью очернил чье нибудь доброе имя!» Но истинно, истинно ты идешь по сему пути, сам не примечая того. Когда Давид похотливыми очами взглянул на Вирсавию; то ему никак не представлялось, что из сего произойдет и прелюбодеяние и намеренное смертоубийство: но произошло же. Так и на твоём не добром пути встретится с тобою то, чего ты не ожидал и не предвидел.

Есть люди, которые при самых ясных внушениях о различной участи праведных и грешных в будущей жизни, остаются хладны, и как бы не имеют ушей, чтобы слышать. Но ты, друг мой, непрестанно держи в мысли своей живое изображение радостей и горестей будущего века. Смотри, какой конец той суетной, беспечной и беззаконной жизни, которая так неприметно протекает пред очами нашими. Сколько ни выдумывай извинений, сколько ни прикрашивай своих беззаконий; но всем беззакониям, скрытным и явным, один конец: *пещь огненная, плачь и скрежет зубов*. С другой стороны смотри, какой конец той скромной, едва в мире замечаемой, и мало уважаемой добродетели, которая втайне служит своему Господу, непрестанно беседуя с Ним, и молясь Ему во глубине духа. Таковые подвижники *возсияют, как солнце, в царствии*

Отца их. Имеющий уши слышать, да слышит!

Содержание

Прот. Герасим Павский Притча о пшенице и плевелах (Мф. 13:24–30, 37–43)	1
--	---